

Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвёртый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.
Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнётся ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву

Пошёл один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет, как нет!
Пиры, весёлые ночлеги
И наши буйные набеги—
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишённый сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил.